

Warnery, Charles Emmanuel de: Bemerkungen über das türkische und russische Militair, in: Des Herrn Generalmajor von Warnery sämtliche Schriften. Aus dem Französischen übersetzt, und mit Planen und Erläuterungen vermehrt, Sechster Theil, im Verlage der Helwingschen Buchhandlung, Hannover 1787

Стр. 109

Вторая глава

Об армии, флоте и национальной душе русских

Поскольку турецкая армия мною (в предыдущей главе – В.К.) обстоятельно разобрана, уместно поговорить теперь о ее врагах. Их страну и форму правления я обхожу молчанием, оставляя их обсуждение Бюшингу (современный автору немецкий географ, теолог, педагог, писатель, подолгу работавший в России – В.К.) и другим. В прежние времена российское войско с турецким имело много сходства. Стрельцы были ничем иным, как настоящими янычарами. Остаток войска состоял почти целиком из легкой иррегулярной кавалерии. Какой конец ожидал первых, хорошо известно.

Во время войны со шведами Петр Великий создал армию, были построены Петербург и крепость Кронштадт. Тогда же в море вышли первые российские суда. Для всех этих

Стр. 110

преобразований требовалось участие иноземцев и, стало быть, большие средства. Преодолев несметные трудности, великий государь пожал плоды своего труда еще при жизни.

В правление Екатерины I и Петра II армия и флот, вместо того, чтобы продолжать расти, казалось, находились в полном небрежении. Придворная челядь, при Петре Великом не слишком влиятельная, приобрела решительное превосходство над военными. Отсюда неудивительно, что русские из лучших семей, за исключением трех-четырех (Репнины, Румянцевы, Голицыны и Чернышевы), славнейшим воинским отличиям предпочитали камергерский ключ. Да и немалая разница, в каком месте пребывать – при блестящем дворе или в глухой российской провинции, где недостает многих приятностей, скрашивающих человеческую жизнь.

Сверх того, гражданская служба открывает перспективы быстрой карьеры. Тайный советник имеет ранг генерал-аншефа,

Стр. 111

также обстоит дело и с иными придворными званиями, самое незначительное соответствует роте. Камергеры состоят в ранге генерал-майоров, камерюнкеры – бригадиров, невзирая на то, что это, как правило, совсем молодые люди. Довольно странно, что во время штурма Бендер, одним деташементом командовал соответственно своему придворному чину некий камерюнкер. Если он прежде не служил, то войско, отданное под его начало, серьезным опасностям подвергалось. Не стоит отсюда удивляться, что высокородный русский стремился к придворной карьере, избегая военной службы.

В правление Анны армию возглавлял Миних, славных деяний, в которых он пытался уверить весь мир, отнюдь не совершивший. Миних ввел прусский пехотный строевой устав. Рассказывают, он уговорил свою повелительницу учредить три кавалерийских полка. В то же правление был основан кадетский корпус, ныне насчитывающий 600 человек. Однако, драгуны, составлявшие большую часть кавалерии, пребывали в таком состоянии, что регулярным войском

Стр. 112

их едва ли можно было признать. Они, скорее, уподоблялись бранденбургским ямщикам и это сравнение, полагаю, им еще льстит.

Предпочтение, оказываемое этим маршалом немцам; высокомерие в обращении с офицерами коренной национальности, пусть даже и высокого происхождения; скверный прием, которого они удостоивались, не были средствами приохотить их к военной службе. Никогда не забуду, как несправедливо обходился он с генералом Лопухиным, павшим в битве при Егерсдорфе смертью героя. Таким образом, любой дворянин, имевший средства к существованию, был прав, не поступая, коль скоро мог от нее уклониться, на военную службу. Возможно, не все знают, что дворян старше 13 лет брали на службу простыми солдатами и потому они больше, чем крестьяне, заслуживали сожаления. По принуждению все исполняется с неохотой, в особенности, если при этом не раззадорено наше самолюбие – такова человеческая природа. Из-за этого порядка многие русские, особенно пожилые, хотели

Стр. 113

вернуть старые времена, когда в чужие дела не лезли. Флот в это царствование оставался в прежнем состоянии. Регенства курляндского герцога Бирона и брауншвейгской принцессы Анны были слишком короткими, чтобы способствовать заметным преобразованиям.

Первое время по воцарении Елизаветы казалось, что все, в особенности, армия, пришло в упадок. Она находилась где-то шесть месяцев на троне, когда маршал Левендаль – я в то время заказал новое платье – заметил по этому случаю, мне следовало бы купить тулуп или халат на меху, ибо вскоре, вероятно, таково будет придворное убранство. Лейб-гвардия бесчинствовала, почти не уступая левантинцам. Разложение проникло в гвардейские полки, под Выборгом своему генералу в повиновении отказавшие. В военном совете председательствовали ветхие русские генералы, кое-кто из них провел большее время жизни в Сибири. Они верили, ничто не может сравниться с установлениями Петра Великого и дальше идти невозможно.

Стр. 114

Итак, прусский строевой устав отменили, вновь ввели древний, времен генерала Лефорта – лишь только выучить слова команд оттуда составляло целую науку. Хотели упразднить и кирасиров, поскольку Петр Великий их не имел. Офицеры гвадии опять носили мундиры, бывшие у них при сформировании их полков, и перемены распространились даже на

барабанщиков, поскольку генерал-марш, как нововведение, отменили. Каждую минуту поступали приказы об изменениях в строевой подготовке ввиду того, что в архивах отыскивались сведения еще о каком-то прежде принятом движении руки или о положении пальцев и т.п. Счастье для России, что это тотальное разрушение не продлилось и что нашлись в составе нации генералы, не так приверженные старине, и указали на его изъяны. Графы Румянцев и Чернышев, в то время молодые полковники, находили удовольствие в том, чтобы содержать свои полки исправными и хорошо обученными,

Стр. 115

их замечали и награждали одобрением. Тогда же пришло осознание, что армия, содержащаяся в опрятности и хорошо дисциплинированная, обходится ничуть не дороже, чем грязная и распущенная. Такова эпоха, в которую русская армия начала прогрессировать. Случившаяся в это время война с прусским королем обернулась к большой выгоде для нации и всегда будет оказывать на нее влияние. Младшие офицеры и солдаты, верившие, что вне России ни хлеба и счастья, ни благоденствия не найти, и лишь себя за людей признававшие, смогли убедиться, что таковые имеются и за границей. Во время пребывания в Пруссии они научились гуманности, прежде им совершенно несвойственной. Я мог бы подтвердить сказанное многочисленными примерами. Хочу лишь отметить, что в битве при Егерсдорфе они не брали пленных, невзирая на то, что большинство пруссаков, попавших им в руки, были тяжелоранеными, и офицеры, опасаясь для себя неприятных последствий, не могли остановить резни. Но затем, как они перезимовали несколько зим в прусских землях,

Стр. 116

ненависть к врагам обратилась в удивление и расправы над пленными прекратились. В 1761 году я слышал у себя в доме русских солдат, беседовавших между собой о различных вещах, не зная, что я понимал их язык. Среди прочего, они говорили о Федор Федорыче (так они прозывают прусского короля, бывшего в то время их врагом) и закончили словами: «Дай ему бог здоровья, он – великий воин! Что бы мы ни сделали, чтоб он нами командовал!» – Странно, что тогда пруссаки были им милее, чем союзники их государыни. Русские многое взяли от пруссаков и, как я покажу в дальнейшем, их нынешнему решительному превосходству над турками это немало содействовало. Одним словом, можно утверждать, что последняя война сделала их теми, кем они сейчас являются. Уже Петр III начал улучшать кавалерию. В славное правление ныне правящей императрицы она достигла теперешней степени

Стр. 117

совершенства – я нахожу ее прекрасной и по-настоящему боеспособной. Кирасиры также хороши, как и лучшая конница в мире, но, однако, между кирасирскими полками еще много несходства. Кадетский корпус безупречно устроен. В него принимают детей не старше шести лет и там они находятся еще какое-то время на попечении женщин-иностранок, тем самым, облегчается изучение языков. Стараются, и с большим успехом, привить молодым дворянам

благородный образ мыслей. Мне было суждено узнать русских тридцать лет назад, ныне я нахожу их сильно переменившимися в лучшую сторону. Бесспорно, этому счастливому преобразению немало способствовала вольность, дарованная благородному сословию Петром III и подтвержденная Екатериной II: холоп способен лишь на подлые мыслишки. Когда их принуждали к военной службе, они шли туда с большой неохотой. Поскольку теперь они свободны, для них – это дело чести и они ищут возможности отличиться.

Русские имеют своих генералов,

Стр. 118

которые прославились бы в любой армии мира, таковых они имели уже в начале этого столетия. Старый князь Голицын, завоевавший при Петре Первом Финляндию, был Евгением (Савойским– В.К.) России. Жаль, что никто не сподобился выпустить его жизнеописание, оно должно быть в высшей степени достопримечательным и поучительным. Верно, что русские обладают пытливым умом; за что они берутся, им удается. Не знаю другой нации, которой овладение французским обходилось бы так легко, и которая так же хорошо говорила бы по-французски, как они; немецкий достается им тяжелее.

Русские солдаты несравненны. Их переполняет любовь к Отечеству; они воодушевляют офицеров, призывая положиться на их мужество; в то время, как в других армиях офицеру приходится говорить без конца, чтобы побудить людей к исполнению долга. Даже в самом бедственном положении они неизменно сохраняют бодрость, воспевая своих героев и победы. Их запевалы – у русских, обычно, дети

Стр. 119

пастухов – также споро складывают стихотворную строфу, как и запевалы французских гренадеров. Одним словом, можно утверждать, что в отношении простых солдат Россия все иные державы превосходит. Русский устраивает себе печь в земле, сам печет свой хлеб, он и каретник, и каменщик, и плотник, и столяр, и брадобрей, и портной, и сапожник, короче, может все, никогда этому не учившись. Сверх того, он упорен и не обделен честолюбием. Среди пехотных полков, находившихся с графом Чернышевым при прусской армии, были такие, где солдаты дали зарок не пить спиртного – сие многое скажет о солдате любой нации, в особенности же, о русском, который в пьянстве порока не видит. По-моему, никакие войска в мире не идут так охотно в штыковую атаку, как они. Они были первыми, кто потягался с турецкими саблями, пойдя на них в штыки – доказательство тому, что машиною они не являются. Они понятливы, неприхотливы и, как утверждается, легче других наций переносят лишения – я в это, однако,

Стр. 120

не верю. Признаю, что лишения страшат их меньше, чем иных солдат, а также, что они подвергают себя большим тяготам.

Хочу разъяснить свою точку зрения. В предыдущей войне с турками маршал Миних потерял половину армии от одних только болезней. Очаков обошелся в три тысячи русских, не

считая погибших при штурме. Их высокопоставленные генералы заверили меня, что прусская война стоила им свыше 150 000 человек, из этого числа безвозвратных потерь от руки врага погибло меньше десятой части. И это при том, что им не пришлось претерпеть таких лишений, как пруссакам. Они вели свои кампании, так сказать, развалясь в кресле: обычную службу облегчали казаки, также и климат от привычного не слишком разнился. Сам видел, как полки в Финляндии и в Кронштадте ежегодно теряли почти половину солдат из-за одной только цынги.

Возможно, виной тому мизерное солдатское жалование. В России рядовой, находясь на постое и питаясь вместе с хозяином, может им обойтись. На марше и в действующей армии

Стр. 121

он должен сам себе готовить. Жалование выдается раз в четыре месяца и никогда авансом. Как только простой солдат покидает расположение части, ему приходится довольствоваться хлебом и водой. Отсюда приходит соблазн поедать всевозможные негодные сырые продукты и те приводят его в лазарет, у них – все равно, что в могилу. Солдат, зачастую получающий лишь скверную муку, какую-то малость ячменной крупы и 14 грошей на немецкие деньги, не может ни выпить стакан пива или водки, ни каждую неделю хоть раз поесть мяса. Короче, русский солдат редко может заглушить голод и, едва оставив гарнизон, испытывает нужду во всем, что делает жизнь приятной. По этой причине он, так сказать, и презирает ее.

Сверх того, у русских недостает фельдшеров, большинство из них немцы, им платят недостаточно и потому не имеют добрых, к ним идут лишь наши посредственные костоправы. Имей они в пять раз больше лекарей – все равно не хватало бы. Нынче они выписали из Германии нескольких для лазаретов, им платят хорошо,

Стр. 122

однакож их очень мало. Также неясно, позаботились ли об остальном. На русский полк приходится лишь по одному обер- и унтер-хирургу, с недавнего времени к ним должен добавиться третий лекарь.

Русские не заботятся должным образом о рекрутах, многие помирают еще до поступления в полк. Убытка от этого не происходит, так как жалование начисляется лишь по истечении четырехмесячной службы. Такой вот бедный парень, взятый из родительского дома, проделывает двести или триста миль марша, получая на содержание лишь отсыревшую муку или ячменную крупу, и это еще нередко приходится продавать или тащить на себе двухнедельный запас.

В Прусскую войну россияне создали новое пехотное соединение из шести полков, всего 30 000 человек. Корпус, носивший имя Шувалова, обладал несомненными достоинствами: материалы для него были хорошо подобраны. Однако, он потерял половину состава еще прежде, чем присоединился к действующей армии – brave солдаты заслуживают лучшей участи.

Русским не хватает исправной организации снабжения (комиссариата), припасы магазинов

Стр. 123

сгнивают и, все же, войскам приходится употреблять их в пищу. Интенданты (комиссары) – сплошь офицеры, их производят в звании также, как и военных казначеев и армейских кассиров. Кстати, русский солдат хорошо одет, у него добротные шинель и сапоги, в этом отношении все в порядке. Однако, он не может тащить на себе всю экипировку и, в придачу, хлеб из расчета на несколько дней. Двенадцати или двадцати товарищам приходится покупать в складчину лошадь и телегу и содержать их. Отсюда они вынуждены во многих местах обходиться хлебом и водой, часто, в особенности в Варшаве, на содержание обозной лошади уходит все жалование.

Еще одним злоупотреблением в российской армии, заслуживающим устранения, является чудовищная писанина, всякая мелочь излагается письменно. Генерал, командующий корпусом, тратит большую часть своего времени на чтение и подпись таких пустяков, на которые в другом месте пожалели бы и клочка бумаги. Я ничуть не преувеличиваю, утверждая, что один русский батальон изводит больше чернил, чем вся прусская армия. Сие требует массу писарей,

Стр. 124

мельчайший detaшмент их иметь обязан. Бумага и сургуч причиняют непомерные затраты. Через канцелярщину российская армия теряет, верно, от двух до трех тысяч бойцов, если посчитать с писарями людей для их охраны, обслуживания и т.п., и у генералов отнимается время, кое они могли бы с большим толком употребить.

Петр III уничтожил противное субординации злоупотребление, отдававшее офицера в жертву злобы любого презренного негодяя. Прежде солдат мог подавать жалобу на командира – того немедленно сажали под арест и, пока разбиралось дело, обращались с ним, как с арестантом. На моих глазах такое случалось не раз. К счастью для нации, ныне правящая императрица этот указ утвердила, ровно, как и отмену бесчеловечного тайного сыска. Внешностью русские уступают немцам, полякам и шведам: приземисты, стройные попадают редко. Ростом, цветом и чертами лица напоминают испанцев.

Стр. 125

Религиозная терпимость бесспорно способствовала искоренению суеверий, коим русские издавна до крайности предавались. Еще в правление Елизаветы искателю высокого покровительства дозволялось исповедовать лишь господствующую религию. Ныне высокие церковные чины не стремятся к обращению христиан иных конфессий, похоже, ярмо предрассудков сброшено даже ими. Добропорядочного подданного никто и не спросит, к какой секте он себя причисляет. Некий магометанин дослужился до генерал-майора, их много и между рядовыми. Среди солдат встречаются даже язычники из различных мест. Немалая часть подданных этой огромной империи состоит из таких и, пока они находятся во власти невежества или ослепления, их поведение лучше, чем после крещения. Доказано, большинство из них, переходя в христианство, не имеют другой цели, кроме как получить свободу выпивать и есть свинину. В особенности,

Стр. 126

это относится к магометанам или членам других сект, запрещающих подобные удовольствия.

Русские могли бы лучше проводить учения в составе больших корпусов. Хотя каждый отдельный полк хорошо обучен, однако, на взаимодействие с другими внимания обращается недостаточно. Они затрачивают слишком много времени на ружейные приемы, делая на них основной упор в подготовке. Сейчас, правда, число приемов уменьшили.

Еще один обычай представляется идущим в ущерб службе: полковники, сразу по присвоении звания генерал-майора, теряют вверенные им полки, тем достаются новые шефы. Если бы каждый из них знал, что полк закреплен за ним пожизненно, как это принято в других странах, то, несомненно, он был бы сильнее заинтересован в исправном состоянии родного подразделения, рассматривая его как бы как собственность. Кроме того, люди мыслят по-разному, нередко преемник отменяет хорошие вещи, введенные предшественником – такое, увы, происходит повсюду.

Обычная строевая подготовка у русских и состав их полков – почти, как в Пруссии. Кавалерийский полк состоит из десяти

Стр. 127

рот, сведенных в пять эскадронов, и насчитывает примерно 800 лошадей. Пехотные полки – из двух батальонов, каждый имеет в своем составе пять рот фузилеров и гренадерскую роту, всего – 800 человек, не считая роты легких пехотинцев, облаченных в венгерское платье. Последних называют егерями, хотя у них и нет на вооружении длинноствольных ружей. Они обучаются стрельбе по мишеням и каждый, видевший их, расточает им похвалы.

В России три полка пехотной гвардии, состоящих из десяти батальонов, не считая роты лейбгвардейцев. Последние являются гренадерами Преображенского полка, способствовавшего императрице Екатерине взойти на престол. Рядовые гвардейцы имеют – или имели – ранг лейтенантов и пользуются многочисленными привилегиями, из этого корпуса набираются кавалергарды. Конная гвардия насчитывает пять эскадронов. Дисциплина в ней несколько строже, чем в гвардейской пехоте, где недостает муштры и службу несут спустя рукава. Гвардейцы славы России не приносят: с 1742 года никто из них,

Стр. 128

за исключением 500 добровольцев, доставленных последней эскадрой в Грецию, в войне не участвовал. Их офицеры – в высоком ранге и принадлежат к придворной клике. У гвардейского капитана патент генерал-лейтенанта – не получив полк, он в армию не перейдет. Такой порядок, естественно, обижает армейских офицеров, не принося ни малейшей пользы: в военном ремесле, безусловно, лучше разбирается человек, получивший боевой опыт, а не тот, кто лишь щеголял при дворе. Решено подтянуть гвардейские корпуса, придав им офицеров, служивших в армии, однако, зло пустило чересчур глубокие корни и слишком большая вражда господствует между ними и иными корпусами.

В России 50 пехотных полков, не считая десяти украинских, бывших прежде ландмилицией –

в целом, следовательно, 60, четыре полка из них являются гренадерскими. Все они названы по городам или провинциям. В совокупности это дает приблизительно 100 000 солдат,

Стр. 129

однако, в силу вышеназванных причин, полки редко имеют комплектный состав. Даже при открытии военных действий на батальон позволительно брать в расчет лишь по 500 бойцов. В России свыше 30 гарнизонных батальонов, по 1 100 человек в каждом. В них служат инвалиды, ремесленники и, большей частью, семейные солдаты. Жалование здесь еще меньше, чем в армейских полках. Гарнизоны в отдаленных частях империи и в Сибири являются, по сути, колониями.

Артиллерийский и инженерный корпуса очень представительны, офицеры здесь выше рангом, нежели армейские, капитаны имеют звание премьер-майоров и т.д. – такого нет ни в одной европейской армии. Русская артиллерия многочисленна и хороша. Шуваловские гаубицы нынче, правда, не столь ценятся, единороги же на вооружении до сих пор.

Хотя многие русские солдаты и офицеры обзаводятся семьями, жены не сопровождают их на войне. Они остаются с детьми на полковой стоянке.

Стр. 130

Императрица дает им не только хлеб, ею учреждены и школы для воспитания юношества – здесь подрастают добрые воины. Зимой солдаты находятся на крестьянских квартирах, но летом все в лагерях. Среди русских солдат много таких, кто совсем не видит в темноте. Стоит солнцу зайти – их приходится водить, как слепых. Возможно, виной сему их жилища, в них всегда стоит чад.

В России шесть кирасирских и двадцать карабинерных полков – карабинеры отличаются от кирасиров лишь тем, что не носят кирасы и колета и несколько легче первых. Лошади у них русские, выносливые и неприхотливые, в любом отношении для войны отлично приспособленные. Кажется, русские недостаточно пекутся о кавалерии: их лошади, хотя и несравненно лучшие, не так бросаются в глаза, как нижненемецкие. Кроме того, имеются 17 драгунских полков – красотой не блещут, но могут быть очень хороши.

Стр. 131

Они стоят обычно на границе Великой Татарии, сдерживая набеги тамошних народов, многие из которых несколько беспокойны.

Насчитывают 8 000 гусаров. Гусарские полки неодинаковы по количеству личного состава. Некоторые набираются из иноземцев, другие сформированы на Украине. Однако, все они хороши и, в наше время, безусловно обучены, в особенности, украинские – из весьма скверных казаков вышли лучшие гусары на свете. Эта нация вообще пользуется большим уважением и венгерская одежда ей очень идет. Сверх того имеется еще и прекрасный регулярный казачий полк, названный Чугуевским по колонии Чугуев.

С начала нынешней войны были созданы три легиона. В них соединены различные пехотные и кавалерийские части, каждый из легионов должен иметь по пять тысяч бойцов. Первый

легион, носящий название Греческого, состоит из молдован и валахов. Второй дислоцирован в Смоленске и Литве и третий – в Астрахани. Астраханский легион присоединился к графу Тотлебену в Колхиде. Имеются также небольшие отряды пикинеров на границе Малой

Стр. 132

Татарии, о их существовании мне, однако, известно лишь из публичных источников. Таков, приблизительно, состав регулярного войска, что в России под ружьем находится.

Вся пехота одета в зеленые кафтаны с красными обшлагами, кавалерия – в голубые с красными обшлагами. Лишь кирасирам положены желтые колеты с зелеными обшлагами. Гусарская форма представлена в различных цветах.

В России больше, чем где бы то ни было искушения, вслед за Вольтерами, поверить, что люди не ведут происхождения от единого прародителя. В этой обширной империи встречается множество различных типов; подобно породам домашних животных, что не выродятся, если их не случать с другими, они несходны между собой, даже появившись на свет и проживая в одном и том же месте. Казаки похожи на калмыков и самоедов не более, чем борзая на мопса или крупная индийская обезьяна на карликовую африканскую из Сеуты. Армяне и татары, поселившиеся в Польше три – четыре столетия тому назад, никак не напоминают коренных жителей:

Стр. 133

каждая нация сохраняет внешность, присущую обитателям стран, откуда они ведут происхождение.

Рассуждение на эту тему может завести слишком далеко. Замечу лишь следующее: я, подобно Вольтеру, полагаю, что калмыки и их соседи, казаки, общего происхождения не имеют. Достоверно известно, существуют татары, рождающиеся на свет слепыми, как собаки и иные звери; у башкир, населяющих северное побережье Каспийского моря и состоящих в российском подданстве, уши внутри шершавые, совсем, как у лошадей. Башкиры относятся к татарам, исповедующим магометанство. Я говорю здесь о нациях, являющихся частью российского войска и известных нам в Европе.

Существует много разновидностей казаков, называемых по тем местам, где они проживают. Я уже упоминал украинцев и чугуевцев, в настоящее время представляющих собой регулярную кавалерию. Поселение запорожских казаков находится в низине Днепра, за днепровскими порогами. Они живут как мальтийские рыцари, не допуская к себе женщин. Отсюда можно заключить,

Стр. 134

что их образ жизни не является ни желательным, ни добропорядочным. Их число увеличивается или уменьшается соответственно приращению авантюристов, стекающихся к ним со всех сторон и соседних наций. Полагаю, что с тех пор, как они ведут такое житье, войско не получило от них больше 4 000 человек. О запорожских, как и других казаков, происхождении я говорить не стану. Внешне это красивые люди, довольно похожие на поляков.

Донские казаки пользуются большим уважением. Думаю, что 40 000 от них можно поставить под ружье. Их вооружение – длинные пики, сабли, карабины, на поясе – пистолет. Исключительно способные к малой (партизанской) войне, они легко ориентируются в стране, где прежде никогда не бывали. Также их отличает предприимчивость, пьянству и грабежу предаются с охотой. Их кони малы, тощи, неприглядны на вид, однако, великолепно годятся для скорого бега, крепкие и выносливые. Подобно калмыкам, они ездят на них лишь на трензеле. Казаки пользуются привилегиями, никем не оспариваемыми, отношение к ним – как к свободному народу. Они

Стр. 135

проживают в благодатном краю.

Калмыки происходят от древних гуннов. Поскольку большая часть этой нации населяет Китайскую Татарию, то в российском подданстве состоят, вероятно, потомки воинов, последовавших за Аттилой. В описаниях путешествий им дается прозвище «Eliuds», что означает «вонючие», и, действительно, они являются таковыми в высшей степени. Те, о которых я здесь говорю, обитают в степи или пустыне. Ими правит вице-хан и им по силам выставить войско в три тысячи всадников. Земледелием они не занимаются, живут в шатрах. Павшая лошадь для них – драгоценное лакомство, любимейший напиток – кобылье молоко. Внешность калмыков очень отталкивающая, ее описание можно встретить у многих авторов – сосредоточусь, поэтому, на их характере.

В ноябре месяце 1742 года мы с маршалом Румянцевым, бывшим тогда еще, как и я, капитаном, путешествовали по Финляндии в качестве курьеров. Поскольку жители разбежались по лесам, была заведена перемена лошадей казаками и калмыками – те имели их каждый по несколько.

Стр. 136

Как-то ночью, прибыв на почтовую станцию, мы нашли десять или двенадцать гуннов, сгрудившихся за большим столом перед разложенной шашечной доской. Двое играли, внимание остальных было настолько поглощено их игрой, что никто и не удосужился поворотиться в нашу сторону. Комната была завешана кусками конины, отделенными от костей. Стоял такой смрад, что лишь калмыки могли в ней выдерживать. Приданный нам в качестве сопровождающего, взяв кусок мяса, положил его под седло. Оседлав предназначенных для нас лошадей, он подал знак к отправлению. По дороге он рассказывал, что ему, как священнослужителю, нельзя касаться женщин. Другие также называли его «маншек», то есть, «идоложрец» – калмыки придерживаются идолослужения тибетских лам. Их лошади дурны собой, однако, очень способные, надежные. Калмыки отважны и жестоки; вооружены почти также, как казаки; в то время они еще пользовались луком и стрелами. Наивысший знак благоволения, который их хан, тогда называвшийся Дондукамбе, мог оказать одному из многочисленных

Стр. 137

придворных, состоял в следующем: он плевал на тарелку и сей конфетт передавался облагодетельствованному. Тот, хватая тарелку с жадностью голодного пса, слизывал плевков. Такое происходило в Крыму, за столом у старого маршала Ласси, и я располагаю живыми свидетелями, готовыми подтвердить сказанное. Их способ заниматься любовью отвечает целиком прозвищу «Eliud» («вонючка»), данному им китайцами. Они не употребляют соли, так как, при приеме в пищу, она причиняет им оспу – болезнь, для них очень опасную. Маршал Кейт поведал мне, что ирокезы, если судить по глазам, чертам лица, всей наружности – настоящие калмыки, и что потребление соли вызывало у них такие же последствия.

Шатры калмыков замечательны, их называют кибитками. Сделанные из некоего рода войлока или грубого сукна, они имеют форму пирамиды. В полевых условиях – это отличное убежище, так как зимой они теплы, а летом в них наслаждаешься приятной прохладой. Казаки и калмыки имеют обыкновенно по несколько лошадей, их не требуется

Стр. 138

вести на поводу, так как они все время держатся вместе. В прусскую войну, из-большого расхода фуража в ущерб армии, разрешалось иметь лишь одну лошадь. С сипахами они, не имея надежной поддержки, связываться не рискуют. Татар они, напротив, превосходят. Их ненависть к татарам необычайно сильна, совсем, как ненависть английской черни к французам.

Рассказав все, что можно было, о российской армии, хочу теперь поговорить о их флоте. Россия не обладает преимуществами, имевшимися у Порты для создания и оснащения боеспособных военно-морских сил. Когда государство располагает торговыми судами, а, следовательно, матросами, стапелями, портами, построить флот несложно. У Петра Великого все это, однако, отсутствовало, да и в казне в то время не хватало денег.

Архангельск на Белом море, между Лапландией и Самоготией, был единственной гаванью, посещаемой иностранными судами. Иного судоходства, кроме речного,

Стр. 139

русские не знали. Отсюда их флот, хотя и уступающий английскому и флотам иных морских держав, можно считать мастерским творением этого государя. Прежде ему в деле бывать не приходилось и, хотя он и не уклонялся от столкновения со шведским флотом, лишь несколько галер и галеотов имели небольшие стычки. В одной из них участвовал сам государь, в другой, у Корпострема в Финляндии, маршал Кейт, командовавший 22 галерами и двумя баржами, имел в 1743 году дистанционную артиллерийскую дуэль со шведской эскадрой вице-адмирала Фалькенгрюна.

Российские верфи находятся в Петербурге и Архангельске, стоянка флота – в гавани Кронштадта. Являясь памятником неутомимого усердия великого государя, Кронштадт расположен все же неудачно, при истоке Невы. Вода там слишком пресная, отчего суда не позднее, чем через десять – двенадцать лет в ветхость приходят. Материалом для постройки российских кораблей служит еловая древесина. Как и солдат, матросов рекрутируют из внутренних областей империи. Поскольку они обыкновенно меньшего роста, нежели собственно русские, то набираются во флот также и татары и иные варвары

Стр. 140

из тех, кого считают способными на большее, чем носить мушкет.

Флот содержится как в военное, так и в мирное время. Каждое лето в море выходит эскадра на учения: в России нет торгового флота, где офицеры и матросы могли бы освоить морское дело; в холодном климате судоходство немногими месяцами ограничено. Петр Великий намеревался построить тридцать линейных кораблей – однако их число, без учета фрегатов и т.п., никогда не превышало двадцати. У них много галер, те годятся лишь в войне против шведов для плавания в шхерах – так называют архипелаг малых островов и скал, покрывающих, в особенности в Финляндии, побережье этого государства. На галерах нет иного экипажа, кроме пехоты и четырех – шести матросов с рулевым, чтобы маневрировать судном. Недалек тот день, когда их, как и везде, позабудут, хотя они и стоят в чудесной гавани ниже Петербурга.

Стр. 141

Уже Петр Великий стремился иметь флот на Черном море. Его посланник прибыл из Азова в Константинополь, к великому изумлению турок, на фрегате. Корабельная верфь находилась в Воронеже, оттуда суда спускались по Дону. Там флот сделал бы больше, чем на Балтийском море, однако, из-за злополучного Прутского мирного договора, он был вынужден, по крайней мере, на время отказаться от своего замысла. Уверяют, проживи он еще несколько лет, он вновь взялся бы за него и осуществил бы то, что ныне сделано Екатериной Второй. Я должен здесь заметить, что для российской армии почти невозможна переправа через Дунай в том случае, если возведенные ею мосты не прикрываются фрегатами. Из-за ширины реки их невозможно оборонять с помощью батарей, установленных по обоим берегам – вскоре их уничтожат ночью турецкие чайки. Если русские задумают пойти на Константинополь, то иной дороги,

Стр. 142

как вдоль побережья Черного моря нет. И так как турки все опустошат, то снабжение продовольствием будет лишь по морю возможно. Кроме того, на пути там лежат горы, совершенно бесплодные и труднопроходимые. Таким образом, не имея флота, господствующего на море, и, так сказать, пребывающего все время у них на глазах, они не смогут осуществить завоеваний на правобережье Дуная.

В последующем приведу несколько замечаний относительно экспедиции в Грецию. Я никогда не сомневался в том, что русские также отважны на море, как и на суше. У людей, презирающих смерть, это в природе: мы видим, что англичане одинаково хорошо сражаются и там и там. Кроме того, российский флот каждое лето проводит учения, многие офицеры обучаются морскому делу в Англии – с какой стати русские должны быть невежественны в больших маневрах на море? Флот обходится им намного дешевле, чем иным державам: если не считать продовольствия для снабжения моряков, то жалование корабельных экипажей также умеренно, как и солдатское.

